

Л Е В А Й З Е Р М А Н

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ

НЕПОЭМА

ЕСТЬ ЛИ БУДУЩЕЕ У УРОКОВ
ЛИТЕРАТУРЫ В ШКОЛЕ?

Диалог

Лев Айзерман

**Педагогическая непоэма.
Есть ли будущее у уроков
литературы в школе?**

«WebKniga»

2012

Айзерман Л. С.

Педагогическая непоэма. Есть ли будущее у уроков литературы в школе? / Л. С. Айзерман — «WebKniga», 2012 — (Диалог)

Книга Л. С. Айзермана, заслуженного учителя России, проработавшего в школе 60 лет, посвящена судьбам преподавания литературы. Но она не только о школьных уроках литературы. Она о том, как меняется в нашей жизни отношение к литературе, нравственным устоям, духовным ценностям, эстетическим ориентирам. А потому она адресована не только учителю, но и всем, кого волнуют проблемы нашей современной жизни и нашего будущего, судьбы молодого поколения. Книга рассказывает отцам о детях, а детям — об отцах.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ НЕПОЭМА: Есть ли будущее у уроков литературы в школе?

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лет пятнадцать назад на педагогическом совете нашей школы выступила опытная, глубокая, думающая учительница литературы. «До революции в гимназиях изучали мертвые языки: греческий и латинский. Потом они ушли из школы. И что же? Да ничего. Спокойно живем и без них. То же самое будет и с уроками литературы в школе. Пройдет не так много времени, и их постигнет судьба греческого и латыни».

Увы, я тогда весело посмеялся (про себя, конечно) над таким пророчеством. Сегодня, закончив свой 60-й и готовясь к 61-му учительскому учебному году, я все чаще думаю, что основания для такого прогноза есть. Хочу понять, что же произошло в жизни и школьном преподавании литературы, куда мы идем, и попытаться ответить на извечный русский вопрос: так что же нам делать?

Вот об этом книга, которую вы открыли. Естественно, спорная, полемичная. Но другого пути нет. Говорят, что спокойствие царит только на кладбищах. Но сегодня на кладбищах, где похоронены русские классики, наступили самые беспокойные времена. Как, впрочем, и в живой нашей жизни.

Я начал преподавать литературу в школе еще при Сталине. С тех пор многое менялось, было много потрясений и переломов в самой жизни, а следовательно, и в преподавании литературы. Но в таком тупике, как сегодня, преподавание литературы не оказывалось никогда.

Самое время понять, разобраться, осмыслить. И если я дерзнул все-таки к этой задаче приступить, то только потому, что все эти годы работал в школе.

часть первая

ВРЕМЯ

1. ГОД ТЫСЯЧА ДЕВЯТЬСОТ ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕТВЕРТЫЙ

В 1963 году я пришел на работу в Московский городской институт усовершенствования учителей, естественно, не оставляя при этом преподавание в школе. Пять лет проработал методистом и еще пять – заведующим кабинетом русского языка и литературы. Вскоре после моего прихода в институт нам поручили подготовить развернутый доклад о положении дел с преподаванием литературы в Москве (теперь это называется мониторинг). Во всех 30 районах выделили по несколько школ, в 9, 10 и 11 классах которых должны были пройти сочинения. Я предложил включить в уже приготовленные темы еще одну – «Какое произведение современной советской или зарубежной литературы мне больше всего понравилось и почему».

Но любая инициатива бывает наказуемой. И вот в феврале 1964 года мне принесли тысячу сто тридцать девять сочинений, которые я и проверил от начала до конца (а это вам не тестики проверять). Переходя к рассказу об этих сочинениях (а сегодня их вполне можно назвать и историческими документами, в которых «отразился век и современный человек изображен довольно верно»), я буду, как тогда в своем отчете, употреблять глаголы настоящего времени, но не забывайте, что с тех пор прошло сорок семь лет. Их авторам сегодня было бы уже за шестьдесят. И это даже не родители моих нынешних учеников, а скорее всего их бабушки и дедушки.

Что ищет старшеклассник в книге? Что ждет от встречи с ней? «Я хочу понять и познать жизнь, людей и себя», – так можно было бы сжато выразить главную мысль большинства сочинений.

«Каждое литературное произведение преследует две цели: во-первых, сделать невидимое видимым, а во-вторых, заставить человека задуматься над этим невидимым или часто не замеченными им сторонами жизни».

Вот почему, когда старшеклассники обосновывают, почему они называют именно эту книгу как произведение, которое им больше всего понравилось, они прежде всего пишут о том новом, что они узнали, прочитав ее, о жизни.

«Я читала много книг о войне, смотрела много кинофильмов. Но только прочитав “Живые и мертвые” Симонова, поняла, какой ценой досталась победа».

«Для того чтобы по-настоящему понять, как это страшно, когда люди начинают творить богов, какой трагедией может стать это для народа, молодежи нужны такие книги, как “Один день Ивана Денисовича” Солженицына. Я скажу честно, что для меня эта повесть явилась не только откровением, но и в некоторой степени ударом. Может быть, я неправа, но мне кажется, что повесть “Один день Ивана Денисовича” – это именно воззвание к нам, молодым. Мы не должны допустить этого во второй раз, мы ОБЯЗАНЫ знать, к чему это может привести».

Стремления и идеалы пишущих характеризует и отношение к тем героям прочитанных книг, которым они отдают симпатии. Наших старшеклассников привлекают к себе люди сильные, честные, совестливые: Серпилин, Крылов, Андрей Соколов, кавторанг Буйновский. Список этот, конечно, можно продолжить. Важен сам принцип выбора любимого героя.

(Все это я писал сорок семь лет назад. И сегодня, естественно, понимаю и жизнь, и книги, и учеников тех лет во многом иначе. Но вот в чем вопрос: что может сказать сегодняшняя жизнь и нынешние наши литература, кино, телевидение «юноше, обдумывавшему жите, решающему, делать жизнь с кого»?)

И вот что интересно. Даже тогда, когда школьники пишут о людях, во многом очень далеких от них, они прежде всего говорят о том подлинно человеческом, что близко им. Вот «Три товарища» Ремарка: «Дружба трех товарищей вызывает восхищение. Настоящая дружба, без лишних слов, без громких заверений!». Вот «Старик и море» Хемингуэя: «Старый, изможденный, слабый и одинокий человек, кажется, что ему надо от жизни и жизни от него. Все пережито, все перепробовано, во всем осадок горечи. Но этот старик оказывается настоящим борцом, со своим пониманием места в жизни и своей роли в жизни. Он стар и слаб, но завидует силе и ловкости пойманной им рыбы, но твердо верит, что в конечном счете победит, потому что он человек. Разве не испытываешь настоящее чувство гордости при этом понимании силы человека. А слова старика о том, что человека можно убить, но победить, покорить человека невозможно. Разве не является это принципом жизни? Разве это не может быть программой каждого настоящего человека?»

Когда-то Василь Быков, прочитав сочинения моих учеников о своей повести, сказал мне: «Не преувеличивайте вы значение этих сочинений. Это юношеское, возвышенное. А войдут они в настоящую жизнь, и она их крутанет так...» Быков во многом был прав. И все-таки очень важно, с чем входит человек в жизнь. Что было пережито в юности.

Одно понятие чаще всего встречается в сочинениях, когда юноши и девушки размышляют о достоинствах литературных произведений. Понятие это – ПРАВДА.

«Когда тебе только семнадцать лет, ты толькоходишь в жизнь, обо всем еще судишь по-своему... И все-таки ищешь ответы на многие вопросы, ищешь человека, не менее прекрасного, чем герои прошлых лет, но живого и сегодняшнего. От книги всегда ждешь нового. Каждому нужно только свое, но все ждут от писателя честности. Только не приукрашивать жизнь...»

«Роман Симонова “Живые и мертвые” привлек меня тем, что в нем прямо и честно, без всяких прикрас описана трудная для советского народа пора».

И еще.

«Множество проблем, над которыми можно думать и спорить, – вот в чем достоинство романа Даниила Гранина “Иду на грозу”».

Это симптоматичное высказывание. Авторам сочинений нравится литература, заставляющая думать и спорить. И это не случайно. Юность, так точно названная Пушкиным «мятежной», – пора самоутверждения личности, годы, когда, как никогда, самому хочется распутать все противоречия мира, самому найти выходы из жизненных лабиринтов.

Но что же больше всего нравится из прочитанного? Вот первые десять авторов, набравшие наибольшее число голосов:

М. Шолохов – 58 (в том числе 34 «Поднятая целина», второй том которой вышел в 1960 году, 20 – «Судьба человека», 4 – «Тихий Дон»);

Д. Гранин – «Иду на грозу» – 53;

Ю. Бондарев «Тишина» – 49;

В. Аксенов – 47 (в том числе 28 – «Коллеги», 18 – «Звездный билет», 1 – «Апельсины из Марокко»);

К. Симонов «Живые и мертвые» – 36 (речь идет о первом томе);

А. Солженицын «Один день Ивана Денисовича» – 34;

3. Ремарк – 30 (писали о Ремарке вообще, но в первую очередь называли «Три товарища», «На Западном фронте без перемен»).

Д. Нолль «Приключения Вернера Хольта» – 30;

Б. Балтер «До свидания, мальчики...» – 29;

4. Айтматов, повести – 27.

Большинство из названных сочинений – это книги, которые были тогда в центре читательского внимания. Другое дело, что часть из них со временем, если можно так выразиться, сошла с дистанции. Во всяком случае, книги эти полностью опровергали мнение, что современный старшеклассник предпочитает «Медную пуговицу» «Медному всаднику». Лишь три сочинения, три из всех, были посвящены «Сержанту милиции» и три – роману «И один в поле воин», тоже милицейскому. Всего же книг такого типа было названо не более десяти. («Неужели такое было на самом деле?» – спрашиваю я себя сегодня.)

Отдав написанную мной справку начальству, я опубликовал ее в журнале «Литература в школе» под названием «Современная литература глазами старшеклассников». А через несколько лет из США в редакцию журнала пришли два экземпляра (один для меня) большой книги «Что читают дети мира» и конверт с каталожными карточками этой книги в библиотеке Конгресса. Это была коллективная монография педагогов и ученых разных стран. Советский Союз был в ней представлен этой моей статьей. Из предисловия я узнал, что статья уже переводилась раньше на английский язык и была напечатана в советском журнале, который издавался для американцев в обмен на издававшийся у нас журнал «Америка».

В следующем же после 1964-м я был на потрясающем спектакле.

Театр на Таганке дал спектакль по Андрею Вознесенскому «Антимиры» специально для старшеклассников. Было поставлено условие: ни одного взрослого – ни родителей, ни учителей. Но достигли компромисса: в зале присутствовали трое взрослых – методисты по литературе городского института усовершенствования учителей. Доказать, что им нужно видеть, как воспринимают спектакль московские школьники, было не так уж трудно.

Ничего подобного я никогда не видел. (Повторяю: я все это писал сорок семь лет назад, но и сегодня слова «ничего подобного я никогда не видел» могу повторить.) Напряжение, реакция сопереживания, то абсолютная тишина, то взрывы аплодисментов. Зал жил одним дыханием со сценой. О, если бы так можно было вести уроки литературы! А что творилось в зале, когда со сцены прозвучало: «Уберите Ленина с денег, так идея его чиста!»

А весной 1983 года я получил письмо от писателя Федора Абрамова, которому послал свою книгу «Уроки нравственного прозрения», где рассказывалось об уроках, посвященных двум его произведениям. «Уроки нравственного прозрения – это слова Александра Твардовского об уроках литературы. Прочитав книгу, вдова поэта Мария Илларионовна передала мне через дочь Валю, что от книги пахнет «Новым миром». Я был удивлен, как стремительно Абрамов прочел книгу и ответил мне. Отгадка пришла вскоре вместе с извещением о смерти писателя. Он ложился в больницу на операцию и спешил сделать все свои, кто знает, может быть, последние земные дела.

Это было взволнованное и очень важное для меня письмо. Приведу из него лишь несколько строк: «Читал и завидовал Вашим ученикам. Нет, нет, в мое время литературу преподавали совсем иначе. А впрочем, где я учился? В провинциальной глуши, где и учителей-то образованных не было, за исключением разве одного-двух человек... Да, вот еще, что меня приятно поразило: широта охвата литературы. Неужели современные школьники столько читают?»

Я перелистал посланную Абрамову книгу. Вот те произведения, которым были посвящены уроки: рассказы Василия Шукшина, «Обелиск» и «Сотников» Василя Быкова, «Живи и помни» Валентина Распутина, «Обмен» Юрия Трифонова, «Пелагея» и «Алька» Федора Абрамова, «Царь-рыба» Виктора Астафьева, «Белый Бим, Черное ухо» Гавриила Троепольского,

«Белый пароход» Чингиза Айтматова. Обычный набор для словесника тех лет. Нужно ли говорить о том, что сегодня провести серию уроков на таком уровне, посвященную литературе последних двух десятков лет, просто невозможно. Хотя бы потому, что каждая современная книга стоит около трехсот рублей. Но не только поэтому.

Надеюсь, меня не заподозрят в ностальгии по советским временам. Окончивший школу с золотой медалью и не принятый в Московский университет, получавший почти всю жизнь нищую учительскую зарплату, дважды исключенный (и дважды восстановленный) из партии, выпущенный за границу только незадолго до пенсии, читавший многие книги тайно в самиздате, а о многих вообще ничего не слышавший, я хорошо знаю, что такое реальный социализм. Не говоря уже о том, что по личным впечатлениям, из рассказов людей, из прочитанного я имел представление о том, как живет страна. Но о том, что уходит из жизни и что так важно было бы сохранить, я думаю с болью.

Вот те же сочинения 1964 года, о которых я рассказывал. Интерес к литературе, стремление узнать, открыть, понять жизнь людей и свою собственную, желание думать о себе и не только о себе, о том, что с нами происходит, ощущение причастности своей судьбы к судьбе страны, общества – это ведь сегодня все то, что кинематографисты называют уходящей натурой. Я часто и много разговариваю с учителями о том, что происходит в народном образовании. И всегда слышу одно и то же: да, вы правы, но от нас-то ничего не зависит. Мариэтта Чудакова проехала на машине от Хабаровска до Москвы, на всем пути останавливалась в городах и селах, встречалась с самыми разными людьми, разговаривала с ними и слышала вот это же самое: «Но от нас ведь ничего не зависит...»

Конечно, Василь Быков был прав, когда говорил мне, чтобы я не переоценивал сказанное и написанное моими учениками. Я выпустил в жизнь первых учеников в тысяча девятьсот пятьдесят четвертом году и хорошо знаю, как жизнь обламывает, укорачивает, ломает, пригибает, да и попросту уродует человеческие судьбы. И все-таки, и тем не менее. В том самом 1964 году о сочинениях которого я только что рассказал, я принял два девярых класса в 610-й школе Москвы, которые и выпустил через три года, в 1967 году. Через 42 года несколько человек из них пришли в ту школу, где я сейчас работаю, на мое восьмидесятилетие. Они написали и издали, снабдив многими фотографиями, тридцать экземпляров книги с воспоминаниями о нашей тогдашней совместной жизни. Не считаю возможным приводить здесь комплименты. Но об одном – крайне важном и для меня, и для дела, которым я занимаюсь, и для той книги, которую вы сейчас читаете, не могу не сказать.

В предисловии к книге они написали, что со школьных уроков до сих пор живут в них интерес, любовь и трепетное отношение к книге, стремление все анализировать, пытаюсь осмыслить происходящее, умение высказать и отстоять свою точку зрения. Они писали «о том “прекрасном далеко”, которое живет в нас прошедшие сорок лет».

Есть в этой сделанной ими книге две фотографии, смысл которых понятен только нам. Однажды, в конце десятого класса, я увидел, как по рядам идут какие-то пакеты. Спросил, что это. Мне ответили не очень охотно. Я, когда узнал, что в них, попросил распечатать фотографии и для меня. Оказалось, что десятиклассники собирались у одной из учениц с приготовленными костюмами и играли в «Войну и мир». Нет, это была не инсценировка, не чтение по книге, а свободные импровизации под фотоаппарат их же одноклассника, который мечтал поступить на операторский факультет ГИКа (не поступил, стал военным, и сейчас он в чине полковника уже на пенсии, хотя и работает). Не помню всех, кто на этих фотографиях. Но могу точно сказать: вот это Элен, а тут Соня, а вот Лиза и Андрей Болконский, а здесь Николай Ростов.

Роман Толстого стал частичкой их собственной жизни, вошел в нее как что-то свое, личное, интимное. Я еще расскажу о сочинении, которое они писали по роману Толстого и с которого начались принципиальное новое для меня понимание того, что такое школьное сочине-

ние по литературе, и долгая борьба против существующей, с моей точки зрения, порочной системы. Я не выиграл это сражение, – наоборот, схоластика побеждала в нашей школе. Но сам шел только по этому пути.

А через какое-то время мы с выпускниками пошли в ресторан рядом с нашей 610-й школой, точнее, ее новым зданием. И там известный бизнесмен (он, правда, предпочитает называть себя предпринимателем; он один из тех, кому Россия обязана тем, что в страну пришли мобильные телефоны), сказал о книгах, прочитанных тогда: «В школьные годы мы читали хорошие книги. Потом оказалось, что жизнь куда сложнее, чем то, что было рассказано в этих книгах. Но все равно что-то от них осталось в душе. И как хорошо, что МЫ прочитали ЭТИ КНИГИ».

Сегодня литература уходит даже с уроков литературы. (Я написал «литература», а не «книга». Ведь если ученик читает роман или стихи на дисплее, то это общение с литературой. А если он читает книжку с кратким пересказом «Преступления и наказания», то это значит, что он прошел мимо романа.) Этот уход литературы с уроков литературы – моя боль и горечь. Я пытаюсь понять, почему все это произошло и возможно ли сегодня плыть против течения. Плыть не во вчерашний день, а в нынешний. Я пытаюсь ответить на извечный русский вопрос: ЧТО ДЕЛАТЬ? Собственно, обо всем этом книга, которую вы начали читать.

2. ИСПЫТАНИЕ КЛАССИКОЙ

С тех пор, как я прочел те сочинения, о которых мы говорили, прошло сорок семь лет. И каких лет! «Чему, чему свидетели мы были!» В 2009 году, закончили школу первые мои ученики, которые уже родились в другой стране. (Правда, одна из них, когда я размышлял по этому поводу, воскликнула: «Но я была зачата еще в СССР!».)

Как они воспринимают литературу современную, я не знаю. А вот об их отношении к русской классике думал много.

М. М. Бахтин писал, что великие произведения разбивают грани своего времени и живут в веках, причем «более интенсивной и полной жизнью, чем в своей современности... В процессе посмертной жизни они обогащаются новыми значениями, новыми смыслами; эти произведения как бы перерастают то, чем они были в эпоху своего создания. Мы можем сказать, что ни сам Шекспир, ни его современники не знали того “великого Шекспира”, которого мы теперь знаем»¹. И в связи с этим Бахтин говорит о том, что подлинное постижение культуры прошлого возможно лишь при «диалогической встрече двух культур». «Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответы на эти вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины»².

И вместе с тем, преломленная сквозь новое время и новый личный опыт читателя, книга может не только открыть новые свои смысловые глубины, но и потерять какие-то очень важные для самого писателя смыслы.

На меня большое впечатление произвел прочитанный мной рассказ тогда молодой учительницы, дочери Г. А. Гуковского, учебник которого изъяли из библиотеки после его ареста, как раз тогда, когда я учился на первом курсе. В младшем классе она прочитала басню Крылова «Стрекоза и Муравей». Спросив что-то о труженике Муравье, она получила совершенно неожиданный для нее ответ ученика, сказавшего, что Муравей плохой, потому что к нему обратилась бедная, голодная, замерзшая Стрекоза, а он отказался ей помочь. И это мнение было поддержано многими одноклассниками: в переполненном классе большинство учащихся были такими же эвакуированными из западных районов страны.

¹ Бахтин М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 331.

² Там же. С. 335.

Но это было давно. А теперь посмотрим, как воспринимается Пушкин в наш, двадцать первый век.

7 класс, «Станционный смотритель». Недавно прочел статью учительницы из Иркутской области о том, как она проводила урок по этой повести. Обратив внимание на картины, которые развешены были по стенам комнаты самого станционного смотрителя Вырина, учительница вспомнила вместе с учениками о Блудном сыне. Затем она предложила семиклассникам сравнить эту притчу с сюжетом самой повести. И они убедились, что судьба станционного смотрителя и его дочери отразились на это притче зеркально: ни возвращений, ни раскаяния, ни встречи с живым отцом и признания своей вины перед ним.

«Возможно, – подводит итог этой части урока учительница литературы, – повесть “Станционный смотритель” – это предостережение писателя современникам, людям XIX века, для которых евангельские притчи утратили религиозный смысл, перестали быть живыми нравственными уроками, превратилась лишь в часть быта».

Возможно. Я вспомнил об этой статье и перечитал ее после того, как в этом году моя коллега по школе рассказала мне, как проходили совсем недавно у нее уроки по «Станционному смотрителю» в нынешнем седьмом классе. А класс эту повесть Пушкина не принял. И поздние слезы Дуни на могиле отца их не тронули.

– И правильно сделала, что уехала с офицером. Ну умер бы он рано или поздно, отец ее, так что же – ей в этом захолюстье так и горевать?

– И кому бы досталась красота ее необыкновенная? Да и ни в каком сне не приснилась бы ей шестерка лошадей, ее дети-барчата да служанка.

– И что ждало ее в жизни, о которой в самом начале сказано, что она дочь «сущего мученика 14 класса»?

Вот тут-то собака и зарыта.

Многие поколения русских людей, кто бы они ни были по национальности, как нечто непреложное воспринимали «Капитанскую дочку» Пушкина с ее «Береги честь смолоду». И как должное воспринимали тот эпизод, когда Гринев отказался целовать руку Пугачеву. А сегодня ребята, восьмиклассники, кричат в классе: «Ну и дурак! Что он, не мог поцеловать ему руку? Подумаешь, делов-то... Зато остался бы жив. Рисковать жизнью из-за такой ерунды».

Я давно не вел уроков по «Евгению Онегину», но учителя мне рассказывали, что девятиклассники, особенно девятиклассницы, не принимают Татьяну с ее «Но я другому отдана и буду век ему верна»: «Она добила того, о чем только могла мечтать: он у ее ног, а она держится за верность старому нелюбимому мужу».

Как говорит известный телевизионный обозреватель, «вот такие времена».

Послушаем свидетельство и Светланы Алексиевич: «Уж в очень запутанное время живем. Без идеи справедливости. Это уже другая Россия. Другие люди. Бесы тоже другие.

В Петербурге от одной учительницы я услышала, она уже не может убедить своих учеников, что гоголевский Чичиков – отрицательный герой. Для них он – положительно прав. Как и Абрамович. Как же! У него такая прекрасная бизнес-идея! Деньги из ничего! Из воздуха делает!

Проходили «Матренин двор» Солженицына, – опять провал. Мол, что же это за святая, а свою жизнь не устроила?

Так и говорят: мы не хотим быть ни святыми, ни героями. Их мечта – просто нормально жить»³.

³ Алексиевич Светлана. «Пишу для притихшей России» // Новая газета. 2009. № 58.

Что касается мечты, то в принципе это нормальная мечта. Другое дело, что жизнь заставляет, и нередко, выбирать между нормально и подло, между героическим и бесчеловечным. А что касается рассказа «Матренин двор», то, может быть, я не прав, но все последние годы я на уроках в одиннадцатом классе не обращаюсь к нему. Только к «Одному дню Ивана Денисовича», хотя и этот рассказ идет нелегко. А «Матренин двор», как мне кажется, не может быть понят и принят современным учеником, который вместе с тем может понять и самопожертвование, и даже смерть во имя чего-то высокого и истинного.

Лет тридцать тому назад, закончив изучение русской классической литературы XIX века, я впервые предложил домашнее сочинение на две недели: «Что меня волнует в русской классической литературе и что оставляет равнодушным». Но май месяц, конец учебного года, оказался не самым удобным временем для такого сочинения. Поэтому начиная с 1997 года проложу его не в конце десятого класса, а в начале одиннадцатого.

В отличие от правописания приставок пре- и при-, знаков препинания, понятий и законов физики и химии, восприятие литературного произведения всегда индивидуально. (И главный порок существующих форм экзаменов по литературе, о чем у нас еще пойдет речь, – в том, что они требуют обязательной безличности.) Сочинения на эту тему, которые я читаю, вновь и вновь убеждали меня, что восприятие литературы Я-центрично.

«Что-то есть общее между мной и Чацким. Он так же, как и я, борется с подхалимами и лицемерами».

Казалось бы, нужно «я, как и Чацкий», «Я также, как Некрасов». Но нет, точка отсчета – Я. И это неизбежно при восприятии искусства. При всех издержках такого отношения к литературе, это куда лучше, чем широко распространенное в школе и торжествующее на экзаменах обезличивание выученного или – все чаще – списанного.

А необходимые коррективы внесет урок, обсуждение на уроке, учитель. Хотя по-настоящему плодотворны они будут лишь тогда, когда их примут сами ученики, думающие по-другому. Но даже и после уроков расхождения неизбежны.

Но в Я-центричности тоже есть своя логика. За деревьями этого явления можно увидеть лес тенденций и закономерностей. Обратимся в этой связи к сочинениям трех одиннадцатых классов 2006 года и двух одиннадцатых 2008 года. Не будем сейчас рисовать картину во все ее полноте. Будем говорить о важных общих тенденциях.

Начнем с тех, для кого близки те или иные произведения и писатели. (Тех, кто принимает абсолютно все, что было на уроках в школе, не бывает вообще.) Эти выпускники исходят из того, что классика про нас, про меня лично.

«Жизнь меняется со временем, но есть вещи, неподвластные ему».

«В Базарове мне нравится его склонность подвергать все сомнению, способность размышлять о вечном и бесконечном».

«Меня захватывают поиски истины: как тот или иной герой не вдруг, а после долгих переживаний, размышлений, пережив какие-то важные для него события, приходит к своей истине и к прозрению». «После таких произведений волей-неволей задаешь себе вопросы, что задавали себе герои произведений: “кто я, какое мое место в мире? В чем смысл жизни?” Сердце замирает, когда читаешь про чужую жизнь, такую далекую от тебя, но такую близкую и понятную твоему сердцу, несмотря на время и обстоятельства, отдаляющие тебя от нее».

Итак, принимают те произведения, в которых видят сегодняшнюю жизнь.

«“Молчалины блаженствуют на свете!” А ведь это реальность нашей жизни».

«Как бы я хотела, чтобы Воланд появился снова в Москве в наше время!
Ох, было бы у него работы!»

Другое дело, что те или иные произведения, в которых одни одиннадцатиклассники видят наше сегодняшнее время, другие считают преданьем старины глубокой.

За последние десять лет всегда на первом месте среди упоминаемых – роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание». В среднем о нем пишут около половины авторов сочинений.

Чем же этот роман привлекает к себе? Прежде всего постижением тайн человеческой души.

«Большой загадки, чем человеческая душа, нет на свете».

«Роман поменял мое отношение к людям. Я поняла, что люди не бывают исключительно плохими или хорошими».

Сопереживанием Раскольникову.

«Я как будто находилась рядом с героем, как будто следую за ним по пятам и проживаю каждую минуту вместе с ним».

«Читая сцену убийства старухи-процентщицы и ее сестры, я постоянно оглядывалась на дверь, невольно опасаясь, что в какой-то момент кто-то может войти и обнаружить меня и Раскольникова на месте преступления. Еще когда у него засел этот чудовищный замысел, я всеми фибрами души хотела отговорить его, всячески удержать... Видя, как он делает шаг навстречу краху, я чувствовала, как все во мне рвалось наружу, рвалась крикнуть ему вослед: “Родион! Стой! Одумайся! Что ты творишь?”»

Сострадание и униженным и оскорбленным.

«Читая “Преступление и наказание”, я невольно поражаюсь Достоевскому, которому удалось фактически показать реалии современной жизни. Эта книга помогла мне взглянуть на окружающий мир несколько иначе, оказалось, что я, по сути, счастливый человек. В то же время это произведение окончательно подтвердило всю жестокость мира, трудности жизни. Я не могу сказать, что до этого я ничего в этой жизни не понимал, не видел страданий и мучений. Однако я очень благодарен Достоевскому за роман “Преступление и наказание”».

Замечу пока лишь попутно, что здесь мы прикоснулись к краеугольной проблеме нашей жизни и нашей культуры. Один из самых глубоких наших социологов, Борис Дубин, написал даже о людях нашей культуры:

«В этом слое, за редчайшим исключением, практически не осталось особых зон, где сохраняется чувствительность к тому, что происходит в стране, в мире, с человеком, в отношениях между людьми».

Мы еще увидим, как все это проецируется на школу. Но и вот о чем еще должен в этой связи сказать. Мне пришлось читать о том, что равнодушие современного школьника к поэзии Некрасова (а равнодушие это подтверждают каждый год и мои сочинения, хотя я стремлюсь показать сегодняшнее, живое звучание его поэзии, подробно говорю о теме совести в его лирике, о так называемых покаянных стихах), свидетельствует об очерствении душ нашей молодежи. Но вот ведь Достоевский с его болью за униженных и оскорбленных до многих из них доходит. А может быть, есть что-то в самой фактуре стихов Некрасова, что сегодня не срабатывает?

Вернемся к роману. Крайне редко пишут о философском смысле «Преступления и наказания». Вот несколько выписок из сочинений прошлых лет:

«Прочитав роман “Преступление и наказание”, я понял, что люди действительно делятся на две категории: на тех, кто на пути к своей цели может наступить на горло другому человеку, и тех, кто не может этого сделать, причем первые добиваются больших успехов в жизни. Но больше всего меня взволновали такие слова Раскольникова: “Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, кто больше всех посмеет посметь, тот у них и первее! Так доселе велось, и так всегда будет!” Но ведь именно те люди, которые преступают нравственные законы общества, которые на большее могут плюнуть, больше себе позволить, и становятся у нас известнейшими. А мы смотрим на них и берем пример, стремимся к ним, мечтаем быть такими же».

«Произведение Достоевского современно и звучит как нельзя более актуально в наше время. Разве сейчас не каждый мнит себя право имеющим? Разве не наступит тот апокалипсис, описанный в последнем сне Раскольникова? Разве люди знают, что считать злом, что добром, кого обвинить, кого оправдать? Я считаю, что мы вправе считать этот роман отражением современной жизни».

«Наше поколение стало своеобразным поколением для испытания идей: “играй и выигрывай”, “для достижения целей все средства хороши”, “все на продажу”, “наглость не порок” и т. д. А мысли великих русских поэтов: “Я жить хочу, чтоб мыслить и страдать”, “Мой друг, отчизне посвятим души прекрасные порывы?”, “Иди к униженным, иди к обиженным, – там нужен ты” – как будто даже и не в моде».

И вот лишь одна выписка из самых последних сочинений, 2008 года:

«Но, к сожалению, я думаю, теория Раскольникова жива и в наши дни. Она давно из теории переросла в практику. И дала свои плачевные, устрашающие результаты, с которыми теперь пытается бороться современный мир. Этим результатом, по-моему, является терроризм. Ведь то, что пытался себе разрешить себе Раскольников, – кровь по совести, одна смерть и сто жизней взамен – сейчас террор».

Это очень глубокое наблюдение. Действительно, терроризм всегда ищет нравственное оправдание, будет ли оно в идее национальной независимости, или в идее справедливости, или в идее защиты религиозных и нравственных ценностей. На эту тему – «Преступление и наказание» на уроках литературы в свете опыта современного терроризма – я уже писал на страницах журнала «Континент».

И вот что очень важно. И в этом году, и десять лет назад, и на протяжении трех десятков лет, что я даю сочинение на эту тему, постоянно пробивается одна общая тенденция: в литературе, которую еще вчера мы обзывали литературой критического реализма, сегодняшние школьники особо выделяют человекоутверждающее, душеукрепляющее ее начало. Им куда ближе живые души русской классики, чем души мертвые. И причина здесь лежит в самой жизни нашей. В том духовном авитаминозе, которым страдает наше молодое поколение. Несколько лет назад меня поразила своей глубиной и точностью формулировка Ирины Роднянской:

«Ужасы и горечи жизни были всегда. Но не всегда их встречали настолько разоружившись. Уместно будет диагностировать не рост Зла, а дефицит мужества, питаемого знанием Добра».

Все это сказалось и на чтении романа Достоевского. Вот лишь три выписки из сочинений 2008 года:

«Роман Ф. Достоевского не только о безграничном страдании и боли, но и обо всем многообразии человеческой души, о ее способности даже среди грязи оставаться светлой и высокой (вспомним Соню Мармеладову)».

«Я восхищаюсь ей, так как в своем ужасном положении Соня сумела остаться человеком. Ведь именно она, ее вера и бескорыстная любовь к Раскольникову помогла ему духовно возродиться».

«Его сестра Дуня хотела выйти замуж не по любви, а для того, чтобы устроить как-нибудь нормальную жизнь брату. В этом есть некий трагизм. Но это самопожертвование ради родного человека восхищает. В наше время неистовые девушки выходят замуж не за любимого человека, а за его деньги, которые они намерены тратить в лучших ресторанах, бутиках, театрах. А тут такой поступок: не для светских походов в театры, а для собственного брата. Это не может оставить равнодушным. Также меня восхитила Сонечка Мармеладова, которая своей любовью спасла Раскольникова и провела с ним все его долгое и мучительное пребывание на каторге. Жаль, что в наше время встретить такую любовь очень и очень тяжело».

Роман Достоевского открыл десятиклассникам невиданные ими прежде глубины человеческой души.

«У меня словно глаза открылись на многие вещи, я по-другому стал себя вести».

«Начинаешь больше к другим присматриваться».

«Мы как бы прочитываем еще одну жизнь вместе с героем романа».

«Ведь это возможность погрузиться во внутренний мир другого человека и посмотреть на мир с его позиции».

Не забудем только то, что все же о романе писала лишь половина десятиклассников. И среди тех, кто о романе писал, были каждый год и несколько человек, которые «Преступление и наказание» не приняли. Однажды я прочел о том, что сегодня, когда каждый день телевидение, радио и газеты сообщают о множестве убийств, гибели людей в катастрофах, никого не могут волновать переживания слюнятя, который старается из-за смерти двух никчемных женщин.

Думаю, что о работах тех десятиклассников, которые сказали свое НЕТ или всей русской классике или каким-то конкретным ее произведениям, нужно говорить особо подробно.

Пять человек в двух классах в 2008 году и десять – в трех классах в 2006 году написали, что их ничто не волнует в русской классической литературе. Не уверен, что и среди тех, кто так не написал, нет сторонников этой точки зрения.

«Я читаю русскую классическую литературу, так как этого требует школьная программа, но никогда по собственному желанию».

«Нас будут спрашивать по этим произведениям, несмотря на то, что они нам безразличны».

«В классической литературе нет тем, которые меня волнуют. Я читаю классическую литературу без особого интереса».

Добавим к этому, что и среди других каждый отказывает в доверии тому или иному произведению, которое, повторю еще раз, у других, его же одноклассников, может вызвать живой отклик.

Почему же? Главный аргумент: это книги о том, что было, а не о том, что есть.

«Это давно минуло, это в большинстве своем та жизнь, которую прожили они».

«Ведь в наше время совершенно другие порядки и нравы».

«Я не люблю читать классику и упорно отказываюсь ее читать, потому что там не рассматриваются проблемы современного общества. Классика больше никому не нужна. Ее проходят в школе, а за стенами школы все знания о том или ином произведении выбрасываются. Это в порядке вещей. Вне стен школы у нас проблемы похуже, чем у Катерины. Поэтому интерес к русской классической литературе гаснет».

И другой мотив: у писателей-классиков совершенно другая система нравственных координат, которую я не понимаю и не принимаю.

«Теперь, если какая-нибудь Катерина изменит своему мужу Тихону, вряд ли она будет сильно волноваться по этому поводу и тем более топиться в реке. В наше время над той, Островской Катериной, просто бы посмеялись».

«Меня не волнует “Дама с собачкой”. Я никогда не понимала курортных романов. Ведь от них не только приятные воспоминания и незабываемые ощущения, но и боль расставания и осознание, что муж или жена не то, что нужно для счастья. Если бы у них не было романа, то каждый жил бы своей спокойной и нормальной жизнью».

Обращаю внимание на то, что сознание того, что «муж или жена не то, что нужно для счастья», не противоречит нормальной жизни.

В 2006 году десять человек (пять юношей и пять девушек), то есть более 14% от всех писавших на эту тему, сказали, что в русской классике их не волнует ничего. Приведу обширные выписки из трех работ – одного юноши и двух девушек. Это документы нашего времени. К ним можно по-разному относиться, но их нельзя не замечать. Кстати, у всех этих одиннадцатиклассников «пять» по литературе. А одна из них окончила школу с золотой медалью.

1

«Быть может, то, о чем я сейчас буду говорить, не многим понравится, но я уверен, что в глубине души все со мной согласятся. Времена меняются, и постепенно классическая литература перестает занимать должное место в жизни людей и, в частности, молодежи. С моей точки зрения, если сейчас подойти к юноше или девушке с вопросом: “Что волнует тебя в русской классической литературе?”, то в девяноста пяти процентах ответят: “Ничего!” или во всяком случае так подумают и ответят какой-нибудь парой умных фраз, чтобы показать, какие они умные и высокообразованные. У сегодняшних молодых людей существует огромное количество проблем, которые их волнуют больше, чем литература, например, как поступить в институт, как найти достойную работу, как добиться определенных высот в нашей стране, не нарушая законы и моральные устои. А что касается развлечения для души, вряд ли кто-нибудь из нас будет читать Достоевского или Толстого и размышлять над философией их произведений. То, что

пытаются донести до юных умов преподаватели литературы (не хотелось бы никого обидеть), чаще всего вообще не откладывается в голове учеников. Конечно же, на уроке литературы все пытаются высказать свои мысли, все работают, но, если говорить откровенно, все это остается в пределах кабинета. А все творческие задания и сочинения зачастую сдувают из Интернета или решебников, потому что в основном никому совершенно неинтересно и скучно их писать. Я уверен, что у нашей молодежи потрясающий склад ума, она может ответить на крайне сложные вопросы, касающиеся философии жизни и моральных ценностей, но причиной этого является не то, она зачитывалась литературой. Не знаю, прав я или нет, но думаю, что не смогу изменить свою точку зрения».

(И все-таки для двух произведений автор этого сочинения сделал исключение: это «Горе от ума» Грибоедова и «Преступление и наказание» Достоевского.)

2

«Я читаю то, что мне нравится, исключение – школьная программа, которую, не буду скрывать, читаю без особого интереса. Я не говорю, что русская классика устарела, говорю о том, что человек вырос. Люди выросли из этой литературы, как дети вырастают из сказок.

Почему русская классическая литература терпит поражение перед современной литературой (заметьте, не только русской)? Какие книги самые известные на сегодняшний день? «Гарри Поттер», «Властелин колец», детективы Донцовой, «Мастер и Маргарита». Что объединяет перечисленные книги? Все они легкие, интересные, современные, с закрученным сюжетом, полные приключений. Хорошо раскрученные книги – легкие. Многие люди теряются в бешеном ритме городов. Человеку не нужна сложная литература, которая несет слишком много информации.

Меня никогда по-настоящему не интересовала русская классическая литература: «Гроза», «Преступление и наказание», «Бесприданница», «Отцы и дети», «Кому на Руси жить хорошо». – Все они о чем-то о далеком. У меня вся жизнь впереди. Мне хочется очень много сделать, понять, открыть для себя. Эти произведения стоят на месте. Раскольников в первой части убивает старуху, а всю оставшуюся жизнь кается. Весь день в школе разногласия, конфликты, дома хочется отдохнуть, а тут мне надо читать про угрызения совести.

Мне все равно, какие книги читать, лишь бы они были легкими. Беслан, 11 сентября, взрывы на Рижской (Рижская недалеко от нашей школы. – Л. А.), взрывы жилых домов, падение самолетов и вертолетов, война в Ливане – все это наша жизнь. Я думаю, что не надо объяснять, что несут в себе современные книги. Это то, что происходит в наше время, а не сто лет назад или двести лет. Человек, читающий детективы, может себя представить на месте сыщика. А я не могу себя представить на месте Раскольникова. И так проблем много, а тут еще о старухе думать.

Наше поколение воспитывают не книги, а техника. Мы спешим познать мир, чувствуем темп большого города. Остановиться на чем-то скучном, замедленном, размеренном нам не позволяет наше подсознание, которое, один раз разогнавшись, требует самой большой тормозной путь. Мы не можем даже

остановиться перед трагедией. Да, мы знаем, что разбился самолет, погибли люди, а парки развлечений, кинотеатры не закрываются даже на день. В глубине души мы даже не сочувствуем родственникам погибших. Мы просто перевариваем информацию. Пока нас не коснется горе, мы его не почувствуем. Пока мы не остановимся, мы не осознаем, за чем идем».

3

«Честно говоря, я не очень люблю русскую классическую литературу. Почему? Да потому, что писатели повсюду пропагандируют, что люди должны вечно помнить о том, что нет на свете счастья, и т. д. (За дверью каждого счастливого человека должен стоять человек с молоточком.) Да, я согласна, что люди должны помогать своим близким. Но я не понимаю, почему я должна заботиться о ком-то, кого я не знаю. И это все при том, что я не всегда могу обеспечить себя и своих близких. Я, конечно, не хочу показаться эгоисткой, но только знаю, что в данный отрезок времени, то есть в XXI веке, каждый человек должен быть сам за себя. И за своих близких. Иначе нельзя! И это не я придумала, я просто все это знаю, да и не раз приходилось испытывать данную проблему на собственном примере.

Возможно, я ничего не понимаю, но, читая русских классиков, заметила, что практически во всех произведениях прослеживается мысль, что человек должен заботиться, переживать за каких-то незнакомых ему людей, но считаю, что прежде всего он должен переживать за своих близких. А это все происходит потому, что в этом жестоком мире действует закон “каждый за себя!” И это не эгоизм, не стремление возвыситься над окружающими, вовсе нет. Это просто-напросто попытка выжить в ситуации, которую мы, люди, создали.

Я думаю, что для того, чтобы принять и понять русских классиков и их идеи, мы должны изменить этот мир, в котором живем. Но прогресс, как известно, идет вперед, и это становится невозможно: чем дальше идет развитие мира, тем дальше человек уходит от тех догм, которые были приняты во времена русских классиков. Поэтому я считаю, что изменить нам себя уже не удастся, потому что изменить надо и устои, и культуру, и общество, и личные интересы каждого человека. А все это преодолеть человечество не сможет. Это утопия. Те же слова “для”, “ради” (обо всех этих словах шла речь на уроке, где я рассказывал о Ницше. – Л. А.) для нас не существуют. Не для всех, конечно, но для большинства. Прожить правилами классиков уже невозможно. Именно поэтому мне кажется, что идеи русской классики устарели и их нельзя применять к современной жизни. Но это не значит, что читать ее не надо. Надо! Хотя бы для общего развития, для того, чтобы иметь возможность помечтать. Помечтать! И только. Ведь время не повернешь вспять, и изменить положение не сможешь. Приходится мириться с тем, что есть. А почему? Судьба такая...»

Кто скажет, что во всех этих размышлениях (еще раз напомним, что Александр Блок поставил рядом «порывы юных лет» и «крайность мнений») нет момента истины? Скажу лишь о двух вещах.

Все время читаю, слышу: «новые педагогические технологии», «новые технологии преподавания литературы». Как будто суть дела в технологиях (хотя и в них во многом). Все упи-

рается в основы, фундаменты. А мы всё толкуем о возведении величественных зданий новых школ, хотя порой строим-то на песке. Можно, конечно, использовать и Интернет, и телевидение, и интерактивные доски. Но что делать, если главные нравственные первоосновы русской литературы, ну хотя бы те «чувства добрые», о которых писал Пушкин, не стыкуются с реалиями нашей сегодняшней жизни?

«Мы говорим и пишем на том языке, что Толстой и Достоевский, но в самосознании так же далеки от них, как сегодняшний афинянин от Сократа или нынешний египтянин от Клеопатры»⁴.

Существуют объемистые комментарии к «Преступлению и наказанию». В них можно найти объяснение слов, за которыми реалии той жизни. Но достаточно ли лишь объяснить смысл слов «совесть» и «покаяние»?

И еще. Через несколько месяцев после того, как я прочел эти сочинения, я штудировал статью Бориса Дубина... Приведу из нее большую выдержку: слишком серьезно то, о чем тут идет речь. Не о чтении только, не о чтении столько, а том новом отношении к культуре и к жизни, которое все больше утверждается в нашем быте и бытии.

«И нет сегодня границы между гламурным чтением, проблемной литературой и социальной критикой. Граница проходит не здесь. Важно лишь – модная книга или нет. Немодная книга что делает? Она грузит. А если книга грузит – она не попадает в круг модного чтения. Ее последствие не должно быть слишком сильным, слишком длинным и глубоким, слишком болезненным и так далее. Прочел – забыл. Это как сериал. Модус для существования модной литературы сейчас задает сериал. Не посмотрел вечером сериал – неважно, потом соединишь. Появляется другой тип зрителя и другой читатель: не полностью включенный, но и никогда не отключенный полностью. Классика перестала играть роль скрепы для разных культурных групп, она работает либо как остаточная величина, либо как пособие для школы и вуза... культура становится более развлекательной...»⁵

И тут дело не только в уроках литературы в школе и не только в самой литературе. Нечто подобное происходит в кино, театре, особенно на телевидении. Культура упрощается, девальвируется, прагматизируется, утилитаризируется... Недаром с таким большим беспокойством говорят о деинтеллектуализации нашей культуры да и нашей жизни в целом.

Летом 2007 года режиссеры театров размышляли о современном зрителе. Один из них вспомнил Михаила Ульянова:

«Он чувствовал расхождение с новой эпохой, с ее безжалостным радикализмом и не скрывал растерянности, вызванной тем, что театр утратил свойство быть властителем дум».

Валерий Фокин:

«Ведь в театр пришли люди, которые имеют деньги и хотят за них получить удовольствие, хотят, чтобы все было приятно и просто».

Кирилл Серебренников:

«Зритель платит за билет, чтобы получить максимум удовольствия. Сегодняшний массовый российский зритель, вкусивший все плоды общества потребления, точно знает, чего он хочет... Публика, полностью

⁴ Вайль Петр. Стихи про меня. М., 2006. С. 171.

⁵ Дубин Борис. The New Times, 10.09.2007.

сформированная законами этого общества, вошла во вкус своих прав и ведет себя так, как ведет себя в ресторане, магазине, парикмахерской – как заказчик».

Юрий Любимов:

«Человек, который хочет понравиться, не может быть проводником идей. Он будет кокетничать, стремиться подсластить ту мысль, которую необходимо донести до зрителя».

Тогда не согласился со всеми только Олег Табаков⁶.

Литература, которую мы сегодня изучаем в школе, воспринимается в другом социальном, нравственном, эстетическом контексте. Ведь тот зритель, о котором говорили режиссеры, тот читатель, о котором писал Дубин, тот факт, что сегодня 50% наших сограждан в год не прочитывают ни одной книги, – все это характеризует и родителей наших учеников. И сегодня отношение наших учеников к литературе во многом отражает время. Так что тут дело не только в преподавании литературы. Но и в нем, конечно.

3. ДВАДЦАТЬ ВТОРОЕ ИЮНЯ

2 декабря 1984 года Центральное телевидение показало «Балладу о солдате» Григория Чухрая: страна готовилась к сорокалетию победы, фильм отмечал свое двадцатипятилетие. Заранее договорились, что фильм будут смотреть все ученики старших классов.

А накануне три класса, в которых я работал, – два десятых и один одиннадцатый – сдали мне домашние сочинения о том, как война прошла через их семьи. Только несколько человек сказали, что не смогут написать на эту тему: все связи с войной в их семьях порваны. Я читал эти сочинения, и не со страниц исторических исследований, не из сводок Совинформбюро – со страниц школьных тетрадей, на которых запечатлелось пережитое родными, близкими, вставала История: «Погиб под Смоленском», «Погиб при форсировании Днепра», «Погиб в сражении на Курской дуге», «Умер в блокадном Ленинграде», «Уничтожен в Освенциме»...

Приведу только три эпизода из этих сочинений.

«Мой дед был кузнецом. Самая русская и самая мужская профессия. Ничего особенного он не делал: только с четырех утра и до неопределенного времени стоял у наковальни. Работать с женщинами было нелегко. Вплоть до того, что отчаявшиеся вдовы презрительно называли его тыловой крысой. А что бы он мог им ответить? Знал, что каждая женщина думает: “Почему не мой муж (сын, любимый)?” Сохранилось заявление деда с просьбой отпустить на фронт и отказ».

«Зимой, когда на полях работы становилось меньше, часть женщин отправляли на лесозаготовки. Бабушка рассказывала, что деревья пилить ручной пилой было очень тяжело. Болели руки от непривычной работы. После, обрубив сучья спиленного дерева, к бревну привязывали веревку и тащили его по снегу к штабелю, затем поднимали это дерево на верх штабеля. Ныло все тело, каждый сустав болел от перенапряжения».

«Когда дед приехал домой на фронт после госпиталя буквально на час, то увидел следующее: дети худые, жена усталая, на ногах не стоит. Мой отец рассказывал, что, хотя он был маленький, но запомнил в тот день одно: когда деда посадили за стол и дали ему щи из лебеды, то он ел, хвалил, а у самого

⁶ Московские новости, 2007, № 12.

текли слезы, когда он смотрел на детей. Он говорил: “Как вкусно... ” А сам плакал».

На обсуждение «Баллады о солдате» приехал Григорий Чухрай (у меня тогда училась его внучка). Так я показал ему сочинения. Потом он прислал мне письмо:

«Взволновало меня то, что ваши ученики, сами того не сознавая, показали, как глубоко, как органично живет в них память о прошедшей войне. Некоторые шедевры из их сочинений взволновали меня до слез. Какие точные, какие емкие детали отобрала народная память! (Например то, как отец ел суп из лебеды, хвалил, а сам плакал. Такого не придумаешь, хоть проглоти перо!)

Задание, которое вы дали своим ученикам, помогло им задуматься, что значит для них – для них лично – история их страны. Многие из них поняли, что она не абстракция, что она восходит к ним от родителей, а от них перейдет к детям...»

С авторами этих сочинений я встретился через двадцать лет после окончания школы в том же самом кабинете литературы, где мы с ними проводили уроки. Перейдет ли от них к их детям (а у одной их уже четверо) то, что перешло к ним от их родителей вот так же лично? Да и нужна ли сегодня эта память о былом?

Вот Леонид Радзиховский считает, что

«внучек и правнучек должны интересоваться девочками, мотоциклом и институтом, а не делами прабабушки. А если внучек занят только тем, что ходит вокруг прабабушки и спрашивает: “Что ты делала 65 лет назад?” – то это психически больной внучек. Это несчастье для семьи»⁷.

Но ведь собираются каждый год петербуржцы на Мойке около дома Пушкина, чтобы почтить день и час его смерти. А он от них куда дальше, чем пра-, пра-, пра-... И отмечают же французы 14 июля, хотя уже давно ушли от революционных страстей тех лет. А японцы – день и час Хиросимы. И миллионы христиан всего мира каждый год вновь сопереживают Рождество Христа и Воскресение Его. И, в конце концов, ведь читаем же мы и сегодня «Войну и мир», «Тихий Дон», «Доктора Живаго», «Реквием», «Один день Ивана Денисовича», «Василия Теркина», «Жизнь и судьбу». Почитайте как-нибудь сочинения современных школьников со всех концов страны, которые они присылают на конкурс «Мемориала», про этих самых пра-, пра-, прабабушек и дедушек.

А забывать по ним опасно. Об этом сильно сказано в легенде о манкуртах в романе Чингиза Айтматова «И дольше века длится день».

Да, конечно, историческая память истончается, и восстановить разорванную связь времен бывает трудно, тем более когда ее то и дело рвут из конъюнктурных соображений, которые и сами по себе постоянно рвутся и исчезают.

Года два назад я провел с собой такой вот мысленный эксперимент. Вот сейчас у нас 2009 год. Война закончилась в 1945-м. Между моими сегодняшними учениками и годом окончания войны 64 года. Я окончил школу в 1948 году. Вычтем из этой даты эти же 64 года. Получим 1884. На троне Александр III. Еще не родились Ахматова, Цветаева, Маяковский, Пастернак, Есенин, Шолохов, Чехов еще не написал свои великие пьесы. Еще нет Художественного театра. Лев Толстой еще не написал «Воскресение» и «Хаджи-Мурата». Еще нет такого писателя – Максима Горького. Ленину четырнадцать лет. Сталину – пять. Октябрь будет через 33 года. Подумайте, каким должно быть для меня и моих одноклассников это время.

⁷ Новая газета, 2009, № 281.

И все-таки, и все же, и тем не менее я не могу смириться с тем, что уходит из жизни, – я имею в виду реальную, а не официальную жизнь, какие-то даты, рубежи, святыни.

Кончается 2007/2008 учебный год. Позвонила знакомая учительница из Подмосковья. В разговоре она упомянула, что у них 22 июня выпускной вечер.

– Как двадцать второго июня? И в этот день ученики будут веселиться, петь, танцевать, развлекаться? Кто это так назначил?

– Директор школы.

На другой день у нас в школе большая группа выпускников защищала рефераты по литературе. Это лучшие ученики. Перед экзаменом спрашиваю: «Но почему в нашей школе так неудачно назначали выпускной вечер: на понедельник двадцать третье? Не лучше ли было бы для ваших родителей воскресенье двадцать второе?» – «А, наверное, на двадцать второе уже все места в ресторане были заняты». – «Так ведь во всех школах Москвы выпускной вечер будет проходить двадцать третьего...» Молчат растерянно. А я вспоминаю стихи Константина Симонова:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.